

Когда Цзян Сюэмэй сердито вышла с кухонным ножом, Хун Синго был как рыба на разделочной доске. Цзян Син прижал Хун Синго, позволяя Цзян Сюэмэй делать всё, что она захочет.

Хун Синго сопротивлялся, но Цзян Син прижимал его обеими руками.

В руке Цзян Сюэмэй блеснул свет от кухонного ножа, пахнущего сельдереем.

Цзян Син закрыл рот Хун Синго, прежде чем тот успел закончить фразу, не давая вырваться ни одному звуку.

Цзян Сюэмэй долго смотрела на него холодным взглядом, затем взмахнула кухонным ножом в руке и холодно сказала:

— Я уже сказала тебе, что наши отношения закончились. Я больше не хочу иметь с тобой ничего общего. Ты уже видел, какова наша жизнь в городе. Тебе больше не нужно приходить сюда, чтобы воспользоваться нами.

Услышав это, Хун Синго стыдливо опустил на землю, как сдувшийся воздушный шарик.

«Какой в этом смысл, если я не могу получить от них никакой выгоды? Нет никакой надежды».

Цзян Сюэмэй продолжила:

— Ты не помог, когда увидел, что моя дочь умирает. Я проявила великодушие, не прикончив тебя этим ножом прямо сейчас. Раз у тебя нет стыда, я больше не буду с тобой вежливой!

— М-м-м!!! — Хун Синго отчаянно пытался говорить.

Цзян Син колебался некоторое время, затем повернулся и сказал:

— Мама, кажется, он хочет что-то сказать.

— Пусть говорит.

Хун Синго наконец-то снова смог глотнуть свежего воздуха.

Он посмотрел на Цзян Сюэмэй и усмехнулся:

— Я не поверил, когда наши родители сказали, что ты неблагодарный ребёнок. Я не ожидал, что ты будешь такой жестокой! Не будем даже говорить о том, что ты сменила фамилию, как

только вышла замуж*. Наши родители умерли всего несколько лет назад, а ты уже не признаёшь меня. У вас теперь логистическая компания. Разве дать нам несколько тысяч юаней не нормально? Все семьи в деревне помогают друг другу. Но вы, ублюдки, даже не признаёте своих бедных родственников после того, как разбогатели! Мы всё ещё брат и сестра!

п.п.: обычно в Китае жёны не берут фамилии мужей.

— Ты...

Глаза Цзян Сюэмэй выпучились, но прежде чем она успела заговорить, Хун Синго её перебил:

— Конечно, у Небес есть глаза! Твоя жизнь сейчас не становится лучше, верно? Я думаю, рано или поздно тебе придёт конец! А ты всё ещё заботишься о том диком ребёнке, которого подобрала на улице! Если бы не она, Цзян Юэ могла бы и не заболеть!

— Придержи его для меня! — Цзян Сюэмэй была в ярости.

Но Хун Синго на этот раз был подготовлен, и его не так легко было удержать. Он ускользал, как угорь. Цзян Сан не смог удержать его.

— Сяомань не дикий ребёнок. Следи за своим ртом!

— Она не дикий ребёнок? Кто знает, откуда она вообще взялась? Если вы ничего не скрываете, то почему не говорите прямо? Если бы не она, над нами бы тайком смеялись соседи? Даже если бы она не была ребёнком, которого ты подобрала на улице, она была бы незаконнорождённой дочерью твоей дочери.

Упоминание Цзян Юэ глубоко ранило Цзян Сюэмэй. Хун Синго зашёл слишком далеко в своих словах, и глаза Цзян Сюэмэй стали красными, её больше ничего не волновало. Она набросилась на него и ударила.

Па! Женщина ударила его со всей силы.

— Ты... — Хун Синго был в ярости и открыл рот, чтобы что-то сказать, но когда он увидел её красные глаза, ему стало так страшно, что он не посмел ничего сказать.

«Эта старуха так сильна!» — Хун Синго почувствовал, что его зубы вот-вот выпадут.

— Пф-фу! — его рот наполнился вкусом железа, и он выплюнул полный рот крови.

Хун Синго выругался:

— Проклятая девка! Как ты смеешь отказываться признавать свои грехи?!

— Смею! — Цзян Сюмэй впала в ярость и схватила его за воротник. — Что я не смею делать? Сяомань забрали? Сяомань не ребёнок нашей семьи? Ну и что?! Я не только обращаюсь с ней лучше, но и со своими свиньями обращаюсь лучше, чем с тобой! Свиней можно есть и после того, как я их вырастила. Будешь ли ты вилять хвостом, когда я буду добра к тебе?

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47684/1730307>